

НА ПОРОГЕ САМОГО СЕБЯ

КАК незнакомые города, мы открываем писателей. Трудно объяснить, почему та или иная книжка входит в дом, — книг на свете много. В этом есть и мода, конечно, и желание идти наперекор ей. А может, некая идентичность взглядов писателя и ваших взглядов. Впрочем, любовь есть любовь.

Читатель открыл Валерия Медведева шесть лет назад, когда впервые в издательстве «Детская литература» вышла необыкновенная повесть «Баранкин, будь человеком!». Очень быстро (так часто бывает с детскими книжками) Юра Баранкин, выдуманный Медведевым, стал более известен, чем сам его создатель. Нельзя винить ребят за то, что на вопрос, кто ваш любимый писатель, они отвечают: барон Мюнхгаузен.

Судьбе «Баранкина» можно позавидовать. Он переиздается уже несколько лет, тиражи его далеко перевалили за миллион, книга переведена почти на двадцать языков мира, только в Японии выходила пять раз. Баранкин стал героем оперетты, балета, фильма. И нельзя не упомянуть необыкновенного театра, который называется «ББЧ» (расшифровать название, зная книгу Валерия Медведева, нетрудно). Театр существует в единственном «экземпляре» в московской школе-интернате № 58. Театр давно играет другие спектакли, а название «ББЧ» сохраняется. Однажды, когда писатель, приглашенный на представление, немного опаздывал, зал ждал его и начал скандировать: «Ме-две-дев, будь че-ло-ве-ком!».

Автору нашумевшей книги было тридцать семь лет. Звезда веселой и умной повести одиноко висела на его небосклоне. Он вдруг замолчал. Замолчал, пожалуй, так же неожиданно, как появился.

АНКЕТА изобретателя повести «Баранкин, будь человеком!» (я потом попытаюсь доказать, что слово изобретатель тут необходимо) несколько неожиданна. Обычно писатель — и читатель к этому привык — попадает в литературу, пройдя значительную часть своей жизни, пощупав руками ремесла, перепробовав множество профессий. А Валерий Медведев с детства мечтал только об одном — стать актером. И учился в театральном институте.

Однажды пришел именитый режиссер искать «сырье» на роль Петьки в картину «Парень из нашего города» и просил показать студентов в действии. Приятель предложил Медведеву сыграть с ним. Он бросил Валерию реплику из сцены, которую оба хорошо зна-

ли. Медведев открыл рот, чтобы ответить такой же заученной репликой, и в этот момент приятель оборвал его:

— Знаю, что ты хочешь сказать! — и произнес фразу, принадлежащую Валерию.

Затем он добросовестно произнес свою реплику и снова прибавил:

— Знаю, что ты хочешь сказать! — и произнес реплику партнера.

Более нелепую ситуацию для человека, мечтавшего сняться в кино, придумать трудно. Валерий чуть не плакал, а приятель продолжал говорить за себя и за него. Сцену из учебного курса знал весь зал. И зал плакал от смеха. И режиссер смеялся. Только один человек играл ва-банк. Это был опытный медведовский приятель. Он старался за двоих, но... не подозревал, что создает ситуацию, когда его партнеру невольно приходится быть искренним, играть самого себя, импровизировать на ходу. После сцены именитый режиссер сказал:

— Позовите ко мне не того, который играл за двоих, а того, который за двоих реагировал. Я хочу с ним поговорить....

Так Медведев, еще не став киноактером, на своей шкуре испытал, что искусство начинается с неожиданности. Он играл, режиссировал спектакли и писал сатирические интермедии для Утесова и Мирова. А исподволь появилась сказка, которая называется «Голоса». Собрались медвежонок, комаренок, котенок и мышонок. И поменялись голосами. Мышонок приходит в нору и говорит «мяу» — и все пугаются. В юморе этой вполне серьезной ситуации, возможно, и ощутил себя впервые писатель Валерий Медведев: человек должен говорить своим голосом.

Он искал свой голос, стоял, как сам потом написал в записной книжке, «на пороге самого себя». Искал, придумывал и сконструировал повесть о Баранкине, которую кто-то назвал «не просто остроумной, а умно острой», что совсем не одно и то же.

Написал — и снова, по его собственному выражению, стоял «на пороге самого себя». То, что лежало на столе, должно было развить книгу «Баранкин, будь человеком!». Писатель довел до половины три повести, названия которых упоминать здесь не имеет смысла, потому что они — заготовки. Он мог бы дотянуть эти повести до конца. Но — пропало ощущение неожиданности. Нельзя получить два патента на одно изобретение. Однажды, выступая в школе перед ребятами, на вопрос девочки, как стать писателем, он ответил совершенно искренне:

— Каждый раз, начиная новую книгу, я думаю, как стать писателем....

Это любопытно, ибо не только замысел книги, но и мастерство, и образы, и вообще весь сегодняшний арсенал писателя служат для конкретной книги, а не для книг вообще.

Мы сидели и говорили о жизни, о трудных трудностях творчества. Разговор был глубже и сложнее, чем я перескажу его, но все-таки попытаюсь.

Жизнь — река. У нее есть свой стрежень, тихие заводи, глубина, и мели, и пороги. Ты еще не вошел в воду, еще не умеешь плавать и не знаешь реки. Взрослеешь иходишь в воду.

Начинается второй этап биографии. Есть мечты, же-

лания, вот и плывешь. Некоторые плывут по течению всю жизнь. А она предлагает взрослому сто готовых конвейеров: служебный, человеческих отношений, быта. Можно прожить инерционным игрушечным автомобилем, который толкнули один раз, и он едет, пока не остановится. Человек не волен миновать второго этапа. Он должен вступить в стереотип человеческих отношений, чтобы познать эти отношения. Выйдет ли он из них? Вот в чем вопрос и, вероятно, существо формулы: быть или не быть. Склероз может быть в любом возрасте, во всем: в отношениях между людьми, в работе, в словах, в книгах.

А нужно, чтобы в человеке наступал третий этап. Выйти на подводных крыльях, приподняться — с этого начинается настоящее творчество. Не сама по себе жизнь, а дело, которым занимаешься, становится главным, главнее самой жизни. Ученый умеет отрешиться от земных благ, наступить на свои желания, абстрагироваться от суеты. Так реку спрямляют каналом, когда она чересчур извивается. Так дереву обрубая ветки, чтобы шло в рост.

Есть писатели, которые находят себя сразу, на всю жизнь. Может, они правы. Медведев, однажды найдя себя, понял, что надо продолжать искать себя дальше. Самый неточный термин, что книга «пишется». Она вымучивается, собирается, изобретается, строится, вылепливается. И лишь в конце концов записывается. Как говорит Хуан Рамон Хименес на первой странице книжки Рея Бредбери «451 градус по Фаренгейту»: «Если тебе дали линованную бумагу, пиши поперек».

От писателя ждали сказки. И вдруг неожиданно родилась музыкальная (именно музыкальная!) повесть о беглецах в Антарктиду, в которой зазвучали вещи, никогда не отличавшиеся музыкальностью: тающий лед каплет из грузовика, вода — из крана, дятел... Повесть называлась «Тире-тире-точка», она вышла три года назад и прошла незамеченной. Ни слова не высказала критика. Может быть, просто пуля пролетела мимо? Или слава «Баранкина» поглотила ее? В ней много находок, так же много, как в «Баранкине». Она еще останется к жизни, эта смешная повесть «Тире-тире-точка». Ее нельзя зачеркнуть. Жизнь писателя — это цепь холмов: одни выше, другие ниже. Холмы насыпаны тобой самим, они твои личные пирамиды. Критика интересуется только самыми высокими холмами, забывая, что высоту можно оценить лишь по сравнению с чем-то. На ровном месте гор не бывает. Горы всегда хребтами, одна к одной.

НАЗАЛОСЬ, Медведев пишет мало, если не считать этой повести, рассказов, которые появлялись время от времени в журналах, смешной микроповести «Вова Веснушкин в стране заводных человечков» и книжки для совсем маленьких «Гусенок третьего сорта».

А он работал много. Он перешагнул через порог. Правда, произошло неожиданное. Независимо от автора герой одной из неоконченных повестей вернулся к себе писателя и к тому же стал взрослеть. А сама повесть превратилась в роман «Первая и вторая любовь Алика Левашова». Близко к завершению «комедийное повествование в двух частях для чтения и театра» под названием «Безумная идея Нади Фокиной», готов киносценарий «Тридцать шесть и девять, или мой бледнолицый брат». И еще читатель скоро познакомит-

ся с повестью, которая будет называться, может быть, «Непохожие близнецы», а может быть, «Позовите к телефону вашу собаку».

Валерий Медведев — веселый писатель. Когда он выступает, в зале хохот. Ведь он бывший актер, и одно дополняет другое. Смех — это много, но не все. Представим же себе читателя, который пришел на встречу с писателем.

Читатель: Почему вы пишете для детей?

Писатель: Мальчишкой я хотел объять необъятное.

Играл в хоккей, лепил, рисовал, занимался балетом и пением. Потом впервые влюбился, начал писать стихи. А в двенадцать лет случилось несчастье — остался без родителей, и детство кончилось. И потом не раз было ощущение, что мне не хватает детства. Человек должен жить полной жизнью. Он теплоощущен, если никогда в жизни не любил, ни к нему не стремился или был лишен детства. Не потому ли я в книгах вернулся к детству, чтобы «допрожить» его?

Читатель: Я люблю читать книги для детей. Они снова делают меня первооткрывателем мира.

Писатель: Взрослый возвращается к ощущениям детства, чтобы остаться честным. Человек, который забывает о своем детстве, перестает мерить по нему жизнь, рискует потерять критерии. Об этом пытаюсь рассказать в романе, который будет называться «Рукопись, найденная в детском портфеле». С человеком вдруг происходит необыкновенное. Он вспоминает, что в детстве не сказал ни слова неправды, а взрослым запутался во лжи. И он «впадает в детство». Он начинает говорить правду в лоб, как делают дети. Он вдруг смотрит просветленными глазами на мир и предлагает старому известному невропатологу:

— Профессор, давайте побежим босиком по лужам. Это же чудесно!

Читатель: Я понял: вы хотите, чтобы взрослые чаще бегали босиком по лужам!

Писатель: И обязательно во время дождя!..

Читатель: Как же было решено писать для взрослых?

Писатель: Представьте, сижу на скамейке на берегу моря. Рядом папа с сыном, отец читает вслух «Баранкин, будь человеком!». Жарко, и сынишка кричит:

— Подожди, сбегаю выкупаться. Но ты не читай без меня!..

Оглядываюсь на отца — тот ждет, не перелистывая страницу. И я подумал: книга для сына есть, а для папы? У меня появилась почти фантастическая идея расположить книги, которые я написал, в порядке возрастов, чтобы стать спутником жизни читателя. Своего! Это очень важно. Теперь, когда юношеские повести написаны и вот-вот выйдут, я думаю о книжке для взрослых. Это будет роман «Черт на троих». Впрочем, я все время думаю о так называемом «безразмерном» романе, который можно читать до и после шестнадцати.

Читатель: Итак, все возрасты?..

Писатель: Все еще хочется объять необъятное, как в детстве. Меня волнуют сразу сто сюжетов и пишу одновременно несколько больших вещей. Так ли нужно работать, не знаю...

НА СТОЛЕ Валерия Медведева стопа бумаги. Стопа чистой белой бумаги высотой с четверть метра. Пожалуй, это единственный случай, когда бумагу не нужно беречь.

Юр. АЛЬПЕРОВИЧ.

«Московский самонаезд» 1987, 25 июля